

АЛКИНЫ ПЕСНИ

Рассказ

В русской литературе второй половины XX века имя прозаика Анатолия Иванова (1928 — 1999), пожалуй, одно из самых известных широкому читателю. Его произведения пользовались и пользуются до сих пор, несмотря на причудливые гримасы книжного рынка, огромной популярностью. Его книги изданы многомиллионными тиражами на разных языках мира, отмечены Государственными премиями СССР и РСФСР. Его романы и повести — такие, прежде всего, как Вечный зов», «Тени исчезают в полдень» — экранизировались и становились любимыми огромной зрительской аудиторией художественными фильмами и телесериалами. А. Иванов не один десяток лет прожил в Москве, где долгое время возглавлял журнал «Молодая гвардия», был членом правления Союза писателей СССР и РСФСР, но его жизненные и творческие истоки, тем не менее, находились далеко от столицы.

Анатолий Степанович Иванов родился в селе Шемонаихе Восточно-Казахстанской области. Здесь, в отрогах Алтая, жили сибирские переселенцы, и здесь начиналось духовное формирование будущего писателя.

Детство А. Иванова было нелегким. Многодетная крестьянская семья, рано умер отец. Особенно трудно пришлось в годы войны. Но А. Иванову удалось успешно окончить школу и поступить на факультет журналистики Алма-Атинского государственного университета. После его окончания А. Иванов некоторое время работал в казахстанских газетах, потом был призван в армию, а после демобилизации попал в Новосибирскую область, где три года редактировал газету Мошковского района. После «Мошковской нови» была еще работа редактором Новосибирского книжного издательства, заместителем главного редактора журнала «Сибирские огни» (1958 — 1965 годы), где публиковались первые его романы «Повитель» и «Тени исчезают в полдень», но именно здесь, в Мошкове, Иванов-прозаик делал первые свои шаги (дебютировал он с рассказом «Дождь» в журнале «Крестьянка»). Здесь писатель находил материал для будущих книг, встречался со многими из тех, кто стал потом прообразом его произведений. Здесь, в гуще жизни, постигал сложность человеческих характеров и взаимоотношений, пополнял словарный запас образным народным языком.

А. Иванов — признанный мастер эпического жанра. Но мало кто знает сегодня, что творческим началом, точкой отсчета Иванова-писателя стал напечатанный в журнале «Сибирские огни» (1956, №2) лирический рассказ о

юной колхознице-сибирячке Алке Ураловой, о ее грустных и радостных песнях, о ее чистой и светлой любви. Выразительно и правдиво, с большим поэтическим чувством раскрыл автор духовный мир героини, ее сильный и добрый характер. И рассказ этот, и радиопостановка по его мотивам, созданная Новосибирским радио, пользовались в конце 50-х годов огромным успехом.

Рассказ «Алкины песни» по существу определил литературную судьбу тогда еще сельского журналиста Анатолия Иванова, укрепил его веру в свое писательское призвание.

Сегодня мы предлагаем этот рассказ читательскому вниманию

Каждый раз, когда мне случалось проезжать мимо небольшой, примостившейся на отлогом лесном берегу деревеньки Черемшанки, я слышал такую песню:

**Может, весной, может, осенью звонкой,
Когда полыхают березки в огне, —
Ко мне, молодой и беспечной девчонке,
Любовь пришла ко мне.
Лети, моя песня, далёко-далёко...
Пусть голос мой слышит ночная звезда.
Я с милым простилась под елью высокой,
Простилась навсегда...**

Песню эту пел иногда хор девушек, работающих на колхозном поле недалеко от берега. Но чаще в прозрачной тишине отчетливо звенел одинокий девичий голосок. Он о чем-то сожалел, грустил и радовался в одно и то же время.

Песня казалась мне странной, непонятной. Что-то было в ней недосказано, точно певцы пропускали всегда самый важный куплет. Или я не уловил, не разобрал его?

Проезжая Черемшанку, я каждый раз стал прислушиваться к голосам более внимательно. Я выучил песню, записал ее слова. И только тогда убедился, что куплета, который рассказал бы недопетое, — нет.

Может быть, я так и не разобрался бы в своих мыслях, связанных с песней. Может быть, я забыл бы о ней со временем. Только судьба забросила меня на несколько дней в Черемшанку.

И в первый же день я снова услышал знакомую мелодию.

— Послушайте, что это за песня? — спросил я маленького энергичного старичка, который оказался поблизости. Его звали, как я потом узнал, Максим Терemenцев. Он вместе со мной послушал несколько минут льющиеся откуда-то сверху голоса и промолвил вместо ответа:

— А тут, заметьте, всегда поют...
— Кто же поет?
— То есть как кто? — старик с сожалением посмотрел на меня. — Известно кто... Она, Алка Уралова.
— При чем тут какая-то Алка? Там целый женский хор...
Старичок опять насмешливо осмотрел меня с ног до головы и проговорил:
— А как же? У нас всегда так. Сначала Алка, а потом обязательно хором.
Уходя, старик добавил:
— Там, за речкой, сено косят.
Это объяснение, однако, нисколько не помогло мне. Чтобы понять песню, надо было знать историю ее рождения, которая связана, в свою очередь, с историей любви Алки Ураловой и Сергея Хопрова. Вот она, эта история...

Полдень. Слабый ветерок нет-нет да и качнет лениво верхушки столетних елей и сосен. Тихонько зашумит лес, стряхивая с себя дремоту.

А под деревьями не шелохнется и травинка.

Неширокая дорога пышет жаром. Воздух пахнет расплавленной смолой.

По дороге медленно движется бричка, груженная свеженакошенной травой. На возу двое: широкоплечий, немного сутуловатый парень лет двадцати восьми, в порывшей от солнца сатиновой рубаше, без фуражки и худенькая девушка в простеньком синем платьишке. Волосы у парня курчавые, белые, глаза поглядывают откуда-то из глубины и кажется, что от них струится холодок. У девушки волосы гладко зачесаны назад и собраны там в небольшой тугой узелок.

Парень сидит на возу неподвижно, курит. Девушка лежит позади него поперек воза, заложив под голову загоревшие до черноты руки, почти не мигая, смотрит серыми, глазами в безоблачное небо, еле слышно поет о неизвестном гармонисте, который грустит об угасшей своей любви.

Жалобно льется мелодия и сразу глохнет в густом вязком воздухе. Парень бесстрастно дымит папирсой: песня, очевидно, его не трогает.

Девушка прервала песню, вздохнула, прислушалась к скрипу колес. И еще раз вздохнула.

А потом вдруг раскинула руки в стороны, чуть вскинула голову, точно отгоняя навеянную собственной песней грусть. Блеснули ее влажные глаза.

Не грусти ты, парень бравый,

Вечерком приди в дубраву.

Нам сыграешь,— мы споем...

А потом

От всех тайком

Мы куда-нибудь уйдем —

С тобой вдвоем...